

УДК 572.77

doi 10.17072/2219-3111-2026-1-61-79

EDN: ZHTDON

ASJC 1204

ГРНТИ 03.41.91

Ссылка для цитирования: *Смертин П. Р., Лейбова Н. А.* Ранние жители города Перми второй четверти XVIII века по данным одонтологии // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 1(72). С. 61–79. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-1- 61-79. EDN: ZHTDON

РАННИЕ ЖИТЕЛИ ГОРОДА ПЕРМИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА ПО ДАННЫМ ОДОНТОЛОГИИ¹

П. Р. Смертин

Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, 614013, Россия, Пермь, ул. Генкеля, 4;

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, 24

paulsmert@mail.ru

ResearcherID: rid93859

Scopus Author ID: 58164468400

SPIN-код: 9696-9476

Н. А. Лейбова

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32а

nsuvorova@mail.ru

ResearcherID: ABI-5777-2020

Scopus Author ID: 57202444227

SPIN-код: 126490

Целью статьи является описание одонтологических особенностей первых жителей г. Перми. Исследованы скелетные останки первопоселенцев, захороненных на синхронных некрополях второй четверти XVIII в., которые появились с основанием Егошихинского медеплавильного завода в 1723 г. и относились к заводскому поселку. Точная датировка кладбищ, укладываемая всего в четверть столетия, обуславливает крайнюю важность полученных данных, ведь изученная популяция представлена всего несколькими поколениями. Исследуемая серия является единственным палеоантропологическим источником по населению г. Перми и наиболее крупной палеоантропологической выборкой с территории Пермского Прикамья. Всего изучено более 160 индивидов. Программа исследования включала в себя набор одонтоскопических признаков, их оценка производилась в соответствии с методическими рекомендациями А.А. Зубова, принятыми в отечественной одонтологии. В результате проведенного исследования была выявлена близость одонтологического комплекса первых пермяков к северному грацильному варианту внутри западного одонтологического ствола, который соотносится в значительной мере с северными европеоидами и частью популяций уральской расы. Такие одонтологические особенности характерны для многих поволжских и прикамских групп населения, в связи с чем сделан вывод о формировании городской популяции преимущественно на основе местного населения. На антропологические особенности первопоселенцев, кроме миграционных потоков в Предуралье, могло влиять пришлое с запада население Поволжья, мигрировавшее в ходе русской колонизации. При этом сибирского и зауральского влияния не выявлено, что говорит об однонаправленном характере проходящих через Прикамье миграционных потоков.

Ключевые слова: биологическая антропология, одонтология, Пермь, Егошихинский медеплавильный завод, исторические кладбища.

Введение

Пермское Прикамье занимает восточную часть Восточно-Европейской равнины, к западу от Уральского хребта. Эта территория – «перекресток» путей на границе Европы и Азии. Богатая

речная система Прикамья сыграла важную роль в истории региона и определила его контактный, транзитный характер, начиная с миграций дописьменных человеческих сообществ каменного века и заканчивая эпохой русской колонизации. Это отразилось на археологической специфике и разнообразии этнической карты Прикамья, которая насчитывает семь народов: русские, коми-пермяки, удмурты, марийцы, манси, татары, башкиры. Лингвистически эти народы относятся к трем языковым семьям, не говоря уже о сложном религиозном составе населения и прочих культурных аспектах (такое многообразие встречается далеко не в каждом регионе).

Антропологический состав Прикамья также неоднороден, до сих пор темпы и особенности формирования населения региона изучены слабо [Чебоксаров, 1946; Ефимова, 1999; Ширококов, 2014; Брюхова, 2024]. В публикуемой работе предлагается взглянуть на одонтологические особенности первых жителей поселка при Егошихинском медеплавильном заводе – новом индустриальном центре Урала в XVIII в. Такая историческая данность обуславливала еще более интенсивные миграционные процессы в регионе – приток населения в развивающийся заводской поселок, который впоследствии стал губернской столицей Пермь.

При немногочисленности антропологических исследований населения Пермского Прикамья одонтологические работы единичны. В 1986 г. была опубликована совместная статья А. А. Зубова и С. П. Сегеды «Новые данные к одонтологической характеристике финноязычных народов СССР», куда включены данные по современным коми-язьвинцам сёл Антипина и Верх-Язьва Красновишерского района Пермской области [Зубов, Сегеда, 1986]. Эти материалы, полученные С. П. Сегедой в ходе экспедиции 1975 г., не вошли в обобщающую монографию по одонтологическим особенностям современных народов СССР [Этническая одонтология СССР, 1979]. Обнаруживая в составе коми-язьвинцев так называемую «финскую» основу, то есть характерную для биологического компонента финноязычных народов, обладающих некоторым генетическим единством, авторы относят эту группу к западному одонтологическому стволу. Обычно это соотносится с кругом европеоидных популяций, однако, кроме средневропейского, было прослежено влияние и носителей северного грацильного одонтологического «типа», что говорит нам о присутствии «восточных» особенностей в генетическом багаже коми-язьвинцев. Такое свойство отмечается у многих финноязычных народов, данные по которым использовали авторы (коми-зыряне, мари, эрзя, удмурты).

Позже эти материалы войдут в статью Г. В. Рыкушиной «Современное население Среднего Поволжья и Вятско-Камского междуречья по данным одонтологии», где автор публикует собственные результаты экспедиционных исследований 1981–1983 гг., включая сведения о современных коми-пермяках с. Белоево Кудымкарского района и русских Юрлинского и Чердынского районов Пермской области [Рыкушина, 2000]. Г. В. Рыкушина выделяет на территории Поволжья и Приуралья комплекс с выраженными «восточными» особенностями в строении зубной системы. Одонтологические черты коми-пермяков² интерпретируются как «нейтральные» и исходные для «финских» групп региона. На дендрограмме коми-пермяки объединяются в кластер с коми-зырянами, рядом с ними расположены удмурты. В целом особенности морфологического комплекса населения Приуралья реконструированы как возникшие в условиях постоянных миграций зауральских популяций на территорию Поволжья и проникновения на эти земли славянского населения. Согласно автору, в результате этих процессов в поволжских и приуральских группах преобладают особенности западного одонтологического ствола с условной долей монголоидного элемента 20–40 %.

Отдельно стоит отметить, что в работе Г. В. Рыкушиной опубликованы частоты по Бродовскому и Верх-Саинскому средневековым могильникам, расположенным в Сылвенском порье. Эти памятники имеют довольно широкую датировку и сложную культурную атрибуцию [Голдина, Водолаго, 1990]³. Поэтому подробный многоаспектный анализ этих данных – отдельная проблема.

Данные по коми-пермякам с. Белоево встречаются и в более ранней работе Г. В. Рыкушиной «Данные одонтологии к этногенезу финноязычных народов Восточной Европы». Эту выборку, наряду с удмуртами, бесермянами, отдельными группами коми-зырян и русских Пермской и Кировской областей автор относит к носителям вятско-камского локального

варианта в рамках северного грацильного «типа» и говорит о единстве «пермских» народов⁴ [Рыкушина, 1989].

В работе Н. Г. Брюховой «Антропологический материал из раскопа Чердынь Посад I-54(05)» также даны некоторые замечания о присутствии особенностей грацильных «типов» западного одонтологического ствола у жителей Чердыни XVII в. [Брюхова, 2008].

В последнее время стало актуальным изучение русских первопоселенцев в Поволжье и Сибири, в том числе – с точки зрения одонтологии [Харламова, 2010с; Макарова, Харламова, 2013; Харламова и др., 2015; Лейбова, Пежемский, 2019; Аксянова, 2020, 2021, 2022]. Более того, интерес антропологов все чаще направлен в сторону серий Нового времени [Халдеева, Харламова, 2023]. Во многом это связано с обилием палеоантропологических выборок, полученных в результате масштабных охранно-спасательных археологических раскопок в городах. Целью настоящей статьи является анализ одонтологических особенностей первых жителей г. Перми, определение их места на фоне русских групп Европейской части России, соотнесение с русскими первопоселенцами городов Сибири и оценка вклада местного финно-угорского населения в формирование одонтологических комплексов ранних пермяков.

Материалы исследования

В исследование включены материалы двух некрополей, возникших с основанием Егошихинского медеплавильного завода в 1723 г. и существовавших на протяжении 2-й четверти XVIII в. Первый среди них – *Старопетропавловский некрополь*, созданный у Петропавловской церкви (1724 г.) в центре заводского поселка. Он был обнаружен в результате археологических работ 2021 г., выявлено 38 захоронений [Данич, 2023]. Комплексное палеоантропологическое изучение скелетных останков выполнено П. Р. Смертиным.

Второй – *Староегошихинский некрополь*, был расположен менее чем в полукilометре к югу от поселка и топографически отделен от него оврагом. Упоминания этого кладбища в письменных источниках туманны, поэтому его открытие при раскопках 2013 г. было непредвиденным. Скорее всего, Староегошихинское кладбище было создано изначально за стенами поселка, и захоронения на нем производились параллельно некрополю у Петропавловской церкви. Это было связано с ограниченностью территории в самом поселке, а его последующее стремительное расширение в кратчайшие сроки сделало невозможным продолжение функционирования обоих некрополей в том же виде.

Основное место захоронений было вынесено за городскую черту на стрелку Егошихи и ее притока уже к середине столетия, хотя административно это было воспроизведено несколько позднее. На планах города второй половины XVIII в. оба кладбища уже не отмечены как действующие. Более того, если некрополем у Петропавловской церкви еще могли ограниченно пользоваться, то второе кладбище уже начало постепенно застраиваться. Полная застройка этого участка в процессе расширения Перми и отсутствие достоверных упоминаний Староегошихинского некрополя в источниках говорит о том, что память о кладбище быстро исчезла из исторической памяти горожан.

В результате охранно-спасательных археологических работ 2013, 2014 и 2019 гг. было вскрыто более 400 погребений [Головчанский, Романова, 2016] (Мингалева, 2020)⁵. Полученные со Староегошихинского некрополя скелетные останки были изучены коллективом биологических антропологов, собранным по инициативе Е. М. Макаровой. В рамках комплексного палеоантропологического исследования выполнены половозрастные определения, применены краниометрическая и остеометрическая методики (Е. М. Макарова), изучена анатомическая изменчивость черепа по краниофенетической программе (Д. В. Пежемский), исследована морфология и патологии зубочелюстной системы (Н. А. Лейбова).

Мы имеем дело с останками первых пермяков, и, несмотря на возможно несколько различный социальный статус погребенных на этих кладбищах, справедливым будет объединить обе выборки⁶. Наблюдения одонтологических признаков по старопетропавловской серии выполнены П. Р. Смертиным (исследовано 13 индивидов), староегошихинская серия просмотрена Н. А. Лейбовой (изучено 150 индивидов). Вклад малочисленной петропавловской выборки в

общую изменчивость совсем не велик, а достоверные различия по признакам между обеими сериями отсутствуют⁷.

Точная датировка кладбищ, укладываемая всего в четверть века с даты основания Егошихинского завода, обуславливает крайнюю важность полученных данных, ведь изученная палеопопуляция представлена всего несколькими поколениями.

Методы исследования

Программа исследования включает набор одонтоскопических признаков, отмечающихся по принципу «присутствие/отсутствие», 19 из которых задействованы в работе. Выбор признаков определялся их таксономической значимостью и наличием сравнительных данных в литературе: диастема между центральными верхними резцами (*dia I¹-I¹*), лингвальный сдвиг верхнего латерального резца (*crowd I²*), редукция верхнего латерального резца (*red I²* – балл 1; баллы 2+3), лопатообразная форма лингвальной поверхности верхнего центрального и латерального резца (*shov I¹*, *shov I²*), бугорок Карабелли на первом верхнем моляре (*cara M¹* – баллы 2–5; 3–5), форма верхних моляров по Дальбергу – редукция гипоконуса второго верхнего моляра (*hy M²* – морфы «3+», «3»), шести- и четырехбугорковая форма первого нижнего моляра (*M₁₆* и *M₁₄*), четырехбугорковая форма второго нижнего моляра (*M₂₄*), на первом нижнем моляре – дистальный гребень тригонида (*drc*), коленчатая складка метаконида (*dw*), внутренний средний дополнительный бугорок (*tami*) и вариант впадения второй борозды метаконида первого нижнего моляра в межбугорковую борозду «II» и «III» (*2med(II)* и *2med(III)*), а также форма «3» первой борозды параконуса на первом верхнем моляре (*Ipa(3)*).

Оценка признаков производилась в соответствии с методикой и методологией, разработанной А. А. Зубовым и принятой в отечественной одонтологии [Зубов, 1968, 1973, 2006; Этническая одонтология СССР, 1979; Зубов, Халдеева, 1989, 1993]. Для получения частот использован индивидуальный подсчет, производившийся независимо от стороны; при этом в число наблюдений включены случаи присутствия или отсутствия признака, когда возможность наблюдения существовала только на одной стороне челюстей [Лейбова, Смертин, 2025].

Выборка разделена по полу и возрасту на несколько когорт: отдельно взрослых мужчин, отдельно взрослых женщин, суммарно взрослых обоих полов и отдельно детей и подростков. Разделение взрослых индивидов и детей было выполнено на основании оценки степени развития зубной системы и стертости зубов [Герасимов, 1955; Ubelaker, 1978]. Пол индивидов определен по черепу и тазовым костям [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966]⁸. Оценка различий данных по встречаемости признаков в разных когортах производилась на основе критерия *хи-квадрат*.

Для межгруппового сопоставления применен анализ соответствий (*correspondence analysis*), выполненный в программе Statistica 10. Также в ней были построены бивариантные графики, где ось *X* представлена суммой значений признаков западного одонтологического ствола, выраженных в радианах (*Cara*, *M₁₄*, *M₂₄*, *2med(II)*), ось *Y* – суммой значений признаков восточного ствола в радианах (*shov I¹*, *M₁₆*, *drc*, *dw*). Одонтологические выборки, задействованные в работе в качестве сравнительного материала, указаны в приложении.

Результаты и обсуждение

Общая характеристика серии. Жители Егошихинского поселка предстают перед нами как носители классических черт северного грацильного комплекса внутри западного одонтологического ствола, распространенного преимущественно в северной лесной полосе Восточно-Европейской равнины (части Поволжья, Приуралья, русского Севера, Северо-Запада, Прибалтики). На это указывают грацильные нижние моляры (четырёхбугорковая форма первых моляров достигает 8,8 %, вторых – 92,3 %), довольно высокая тенденция к редукции латерального резца (балл 1) – 9,4 %, повышенные частоты (но не достигающие ярко выраженных «монголоидных» значений) коленчатой складки метаконида (15,2 %) – признака восточного одонтологического ствола (табл. 1).

Другие «восточные» признаки выражены с меньшей экспрессией: количество дифференцированных (шестибугорковых) форм первого нижнего моляра достигает всего 5,0 %, лопато-

образная форма лингвальной поверхности резцов не характерна (всего 1 случай из 50), дистальный гребень тригониды и бугорок *tami* встречаются в единичных случаях (1,8 и 1,3 % от всей выборки соответственно), эпикристинд не выявлен совсем. Не выражены также частоты «лирообразной» формы первой борозды параконуса M^1 (12,5 %).

Признаки редуцированного комплекса демонстрируют неоднозначную картину. При грацильных нижних молярах, уровень редукции гипоконуса верхнего второго моляра достигает лишь 26,7 %. Этот признак может быть связан с относительно недавними этапами микроэволюции зубочелюстной системы (Халдеева, 1969).

Таблица 1

Одонтологическая характеристика населения Егошихинского поселка (2-я четверть XVIII в.)

	Старопетропавловский некрополь		Староегошихинский некрополь		Егошихинский поселок (суммарно)		
	<i>n</i> (<i>N</i>)	%	<i>n</i> (<i>N</i>)	%	<i>n</i> (<i>N</i>)	%	<i>SE</i> (\pm)
dia I ¹ -I ¹	0 (5)	0,0	2 (39)	5,1	2 (44)	4,6	3,2
crowd I ²	0 (7)	0,0	0 (42)	0,0	0 (49)	0,0	–
red I ² (1)	0 (7)	0,0	5 (46)	10,9	5 (53)	9,4	4,1
red I ² (2–3)	0 (7)	0,0	3 (46)	6,5	3 (53)	5,7	3,2
shov I ¹ (2–3)	0 (6)	0,0	1 (44)	2,3	1 (50)	2,0	2,0
shov I ² (2–3)	0 (3)	0,0	3 (40)	7,5	3 (43)	7,0	3,9
cara M ¹ (2–5)	5 (9)	55,6	17 (49)	34,7	22 (58)	37,9	6,4
cara M ¹ (3–5)	2 (9)	22,2	11 (49)	22,5	13 (58)	22,4	5,5
hy M ² (3+; 3)	0 (4)	0,0	16 (56)	28,6	16 (60)	26,7	5,8
M ₁₆	0 (9)	0,0	4 (71)	5,6	4 (80)	5,0	2,5
M ₁₄	1 (9)	11,1	6 (71)	8,5	7 (80)	8,8	3,2
M ₂₄	3 (4)	75,0	57 (61)	93,4	60 (65)	92,3	3,3
dtc	0 (6)	0,0	1 (51)	2,0	1 (57)	1,8	1,8
epcd	0 (6)	0,0	0 (50)	0,0	0 (56)	0,0	–
dw	2 (6)	33,3	5 (40)	12,5	7 (46)	15,2	5,4
tami	0 (11)	0,0	1 (66)	1,5	1 (77)	1,3	1,3
2med(II)	1 (5)	20,0	6 (28)	21,4	7 (33)	21,2	7,2
1pa(3)	2 (7)	28,6	1 (17)	5,9	3 (24)	12,5	6,9

Примечание: *n* – количество случаев присутствия признака; *N* – общее число наблюдений; *SE* – средняя статистическая ошибка.

Обратимся к внутригрупповой изменчивости серии (табл. 2). В отдельных когортах количество наблюдений на некоторые признаки снижается значительно, что не позволяет говорить о различии комплексов внутри серии (в особенности – *2med(II)*, *1pa(3)*, *dw*). С поправкой на численность, по большинству признаков выборки хорошо согласуются между собой. Интересным исключением являются шестибугорковые формы нижнего первого моляра, во всех случаях встреченные у детей, что может быть связано со стертостью, повлиявшей на возможную ошибку в определении признака у взрослых.

Женщины относительно мужчин имеют более грацильные нижние моляры: по частотам четырехбугорковых первых нижних моляров различия отчетливы (5,0 % у мужчин и 19,2 % у женщин), хоть они и не достигают уровня статистической значимости. Эти показатели указывают на принадлежность мужчин и женщин к отличающимся по уровню грацилизации нижних моляров одонтологическим комплексам. С поправкой на число наблюдений, можно осторожно предположить, что пришедшей с запада была значительная часть мужского населения, представляющей средневропейский одонтологический вариант, тогда как у женщин отчетливой выражены черты северного грацильного комплекса (по классификации А. А. Зубова), характерного

для финно-угорских народов. При этом повышенные частоты бугорка Карабелли, типичные в том числе для этого комплекса, наблюдаются именно у мужчин.

Таблица 2

Одонтологическая характеристика сборной серии
Егошихинского поселка (2-я четверть XVIII в.)

	Суммарно		Взрослые		Взрослые ♂		Взрослые ♀		Дети, подростки (< 16 лет)	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
dia I ¹ -I ¹	2 (44)	4,6	2 (41)	4,9	1 (22)	4,6	1 (19)	5,3	0 (3)	0,0
crowd I ²	0 (49)	0,0	0 (46)	0,0	0 (24)	0,0	0 (21)	0,0	0 (3)	0,0
red I ² (1)	5 (53)	9,4	4 (48)	8,3	2 (24)	8,3	2 (23)	8,7	1 (5)	20,0
red I ² (2-3)	3 (53)	5,7	3 (48)	6,3	1 (24)	4,2	2 (23)	8,7	0 (5)	0,0
shov I ¹ (2-3)	1 (50)	2,0	1 (39)	2,6	1 (15)	6,7	0 (22)	0,0	0 (11)	0,0
shov I ² (2-3)	3 (43)	7,0	2 (37)	5,4	2 (17)	11,8	0 (19)	0,0	1 (6)	16,7
cara M ¹ (2-5) **	22 (58)	37,9	9 (29)	31,0	6 (11)	54,6	3 (17)	17,7	13 (29)	44,8
cara M ¹ (3-5) **	13 (58)	22,4	6 (29)	20,7	5 (11)	45,5	1 (17)	5,9	7 (29)	24,1
hy M ² (3+; 3) *	16 (60)	26,7	11 (52)	21,2	5 (24)	20,8	6 (27)	22,2	5 (8)	62,5
M ₁₆ *	4 (80)	5,0	0 (48)	0,0	0 (20)	0,0	0 (26)	0,0	4 (32)	12,5
M ₁₄	7 (80)	8,8	6 (48)	12,5	1 (20)	5,0	5 (26)	19,2	1 (32)	3,1
M ₂₄	60 (65)	92,3	53 (56)	94,6	22 (24)	91,7	29 (30)	96,7	7 (9)	77,8
dtc	1 (57)	1,8	1 (25)	4,0	0 (11)	0,0	1 (14)	7,1	0 (32)	0,0
epcd	0 (56)	0,0	0 (24)	0,0	0 (11)	0,0	0 (13)	0,0	0 (32)	0,0
dw	7 (46)	15,2	1 (14)	7,14	0 (6)	0,0	1 (8)	12,5	6 (32)	18,8
tami	1 (77)	1,3	1 (45)	2,2	1 (19)	5,3	0 (24)	0,0	0 (32)	0,0
2med(II)	7 (33)	21,2	2 (5)	40,0	0 (0)	–	2 (5)	40,0	5 (28)	17,9
1pa(3)	3 (24)	12,5	0 (3)	0,0	0 (2)	0,0	0 (1)	0,0	3 (21)	14,3

Примечание: * – различия между суммарной выборкой взрослых и детей достоверны на уровне $p < 0,05$; ** – различия между выборками мужчин и женщин достоверны на уровне $p < 0,05$.

Все полученные частоты хорошо вписываются в общую картину по региону. Для подтверждения этих наблюдений перейдем к межгрупповому анализу.

Межгрупповое сопоставление⁹. Обратимся к рис. 1, на котором представлены результаты анализа соответствий (*correspondence analysis*), где в корреляционном поле расположены палеоантропологические выборки центральных русских земель, Поволжья, Сибири разных эпох, преимущественно – позднего средневековья и Нового времени (XII – начало XX в.). На вектор 1 приходится 35,3 % инерции, на второй – 21,5 %. Большая часть выборок расположилась достаточно близко к пересечению осей координат. Егошихинская серия оказалась в окружении тверского населения XVI–XVIII вв. и чебоксарцев конца XVII – XVIII в. Эти серии действительно очень близки по своим одонтологическим характеристикам (за исключением, пожалуй, более низких частот бугорка Карабелли у тверичей из Заволжского и Затверецкого посадов). Население соседнего по отношению к Твери Кашина, а также – Казани и Нижнего Новгорода отличается от егошихинцев сильнее. Жители Сибири (включая русских) являются носителями уже иных комплексов, в ряде случаев – с более выраженной «восточной» специфи-

кой. Картина на графике логична: Пермь занимает промежуточное положение между населением Верхнего Поволжья и русскими Сибири. Это можно связать с тем, что географически именно из Перми Великой начиналось освоение русскими сибирских земель.

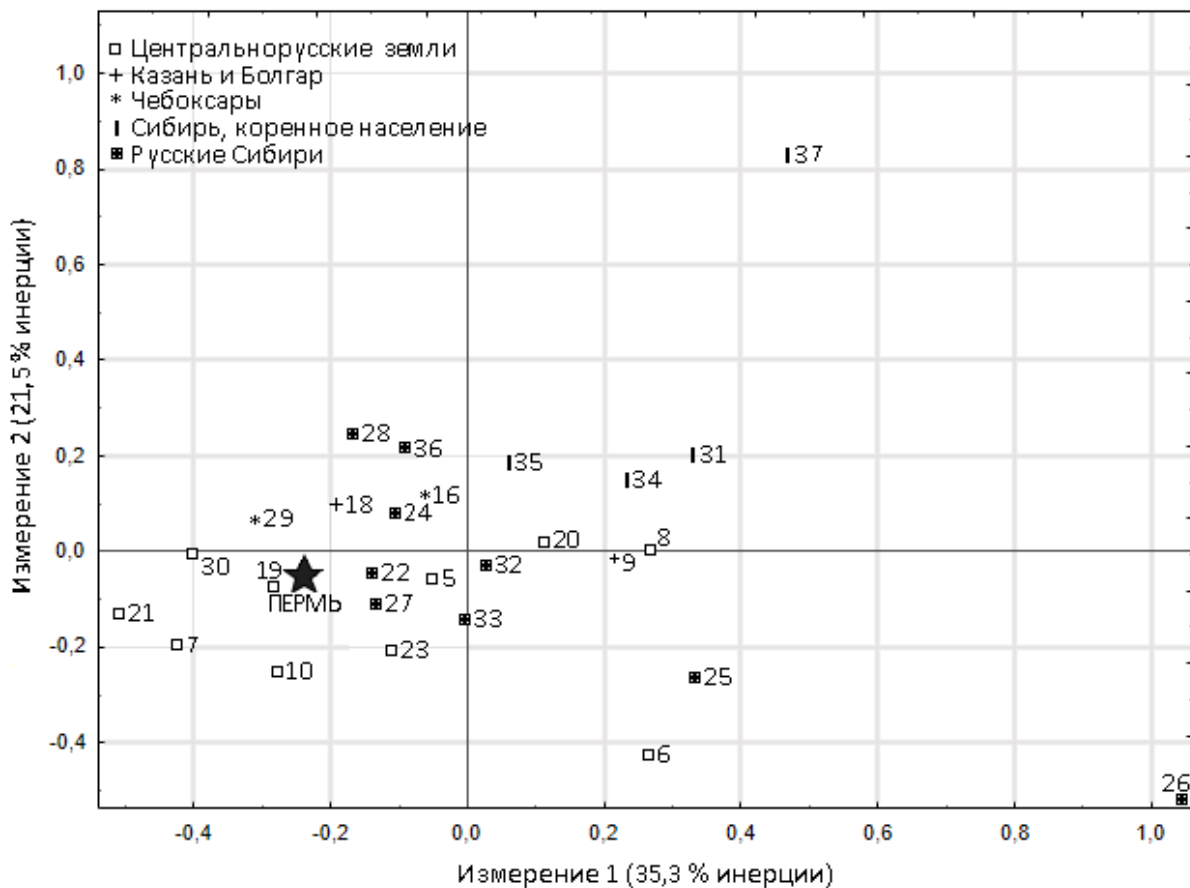

Рис. 1. Положение населения Егошихинского поселка на фоне палеоантропологических серий Центральной России, Поволжья и Сибири по результатам анализа соответствий (*correspondence analysis*)

Сходную картину демонстрирует бивариантный график, отображающий долю «западного» и «восточного» компонентов выборок (рис. 2). Вновь очевидна близость к первым пермякам населения Верхнего Поволжья: тверичей, нижегородцев и чебоксарцев. В данном случае говорить о преемственности между прикамским средневековым населением (серии из-за небольшого набора признаков не попали на рис. 1) и основателями будущей губернской столицы не приходится. Для решения этого вопроса необходимо накопление данных по другим пермским могильникам, из которых имеются представительные палеоантропологические серии.

Упоминания о специфике населения г. Перми, расположенного в зоне межэтнических контактов наряду с некоторыми поволжскими выборками, известны из литературы [Лежемский, 2017]. По-видимому, здесь мы можем наблюдать следы русской колонизации Поволжья и Предуралья, отмечавшиеся в других антропологических работах [Харламова, 2010a] [Макарова, Харламова, 2013]. Так, жители Егошихи являются носителями как местных («финских») черт, так и привнесенных особенностей с других территорий.

К сожалению, некоторые регионы плохо представлены палеоантропологическими данными. Благодаря ретроспективному подходу, можно делать выводы о формировании населения и его преемственности при сравнении с современными популяциями, на основании которых А. А. Зубовым разработана одонтологическая классификация. Подобное сопоставление особенно актуально в нашем случае, ведь исследуемая серия относится к XVIII в., а значит, близка к современности.

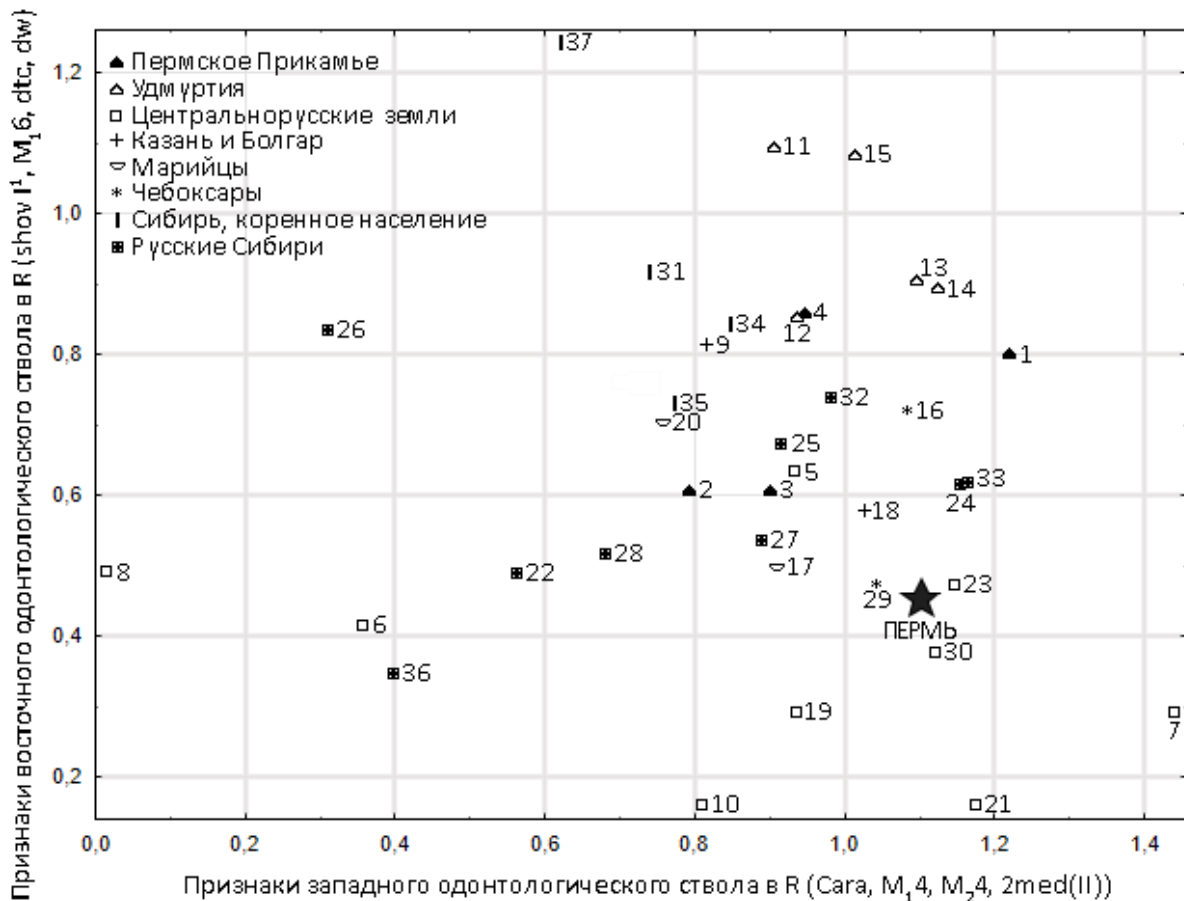

Рис. 2. Положение населения Егошихинского поселка на фоне палеоантропологических серий Центральной России, Поволжья и Сибири в пространстве двух векторов, отражающих западный (сумма признаков в радианах: $Cara, M_{14}, M_{24}, 2med(II)$) и восточный (сумма признаков в радианах: $shov I^1, M_{16}, dtc, dw$) одонтологические комплексы

На следующем графике анализа соответствий (*correspondence analysis*) представлено положение первопоселенцев Перми в кругу современных популяций (рис. 3). На первый и второй векторы приходится 39,0 и 25,1 % инерции соответственно. Основной массив данных сконцентрирован справа от оси ординат. Исследуемая нами серия поместилась на периферии этого скопления, прежде всего – за счет более низких показателей редукции гипоконуса. Ближе остальных население Егошихинского поселка расположилось к русским Усть-Зулы (Юрлинский район Пермского края), коми-ижемцам с. Усть-Щугор (Республика Коми), нескольким удмуртским выборкам. Здесь подтверждается известный из литературы тезис о сходстве одонтологического комплекса «пермских» народов. Влияние этого комплекса очевидно и на этнографически русское население Коми-пермяцкого округа [Рыкушина, 2000; см. также: Дубова, 1986]. Население Усть-Зулы действительно имеет очень сходный одонтологический комплекс, за исключением несколько отличной морфологии верхних резцов и снова – грацильности верхних моляров. То же самое можно сказать про коми-пермяков и коми-язвинцев, которые оказались в верхней части графика из-за более высоких частот лопатообразности верхнего центрального резца. Несколько иная картина в отношении ижемских коми из Усть-Щугор, похожих на егошихинцев по всем признакам, кроме более низкой степени грацилизации нижних моляров.

По доле проявления «восточных» признаков население Егошихинского поселка близко к язвинским пермякам, коми, некоторым группам удмуртов и русских (рис. 4). Уровень проявления признаков западного одонтологического ствола совпадает с коми-пермяками, близко к части марийских, коми-зырянских и мордовских групп. По степени выраженности и «западных», и «восточных» признаков суммарно егошихинцы несколько отдалены от сравнительных групп, но

ближе остальных расположены к ряду выборок ижемских коми и удмуртов и в особенности – кеть-обским русским. Последнее может косвенно указывать на метисный характер популяции, на который могли повлиять сходные сибирским процессы смешения русского и аборигенного населения. Частоты отдельно взятых признаков по егюшихинцам и русским рр. Кеть и Обь сходны. Однако такой очевидной близости с русским сибирским населением мы не наблюдаем на основе палеоантропологических сведений. Вероятно, здесь обозрима обратная ситуация: русские рр. Кеть и Обь сохранили одонтологические черты, характерных для европейского населения.

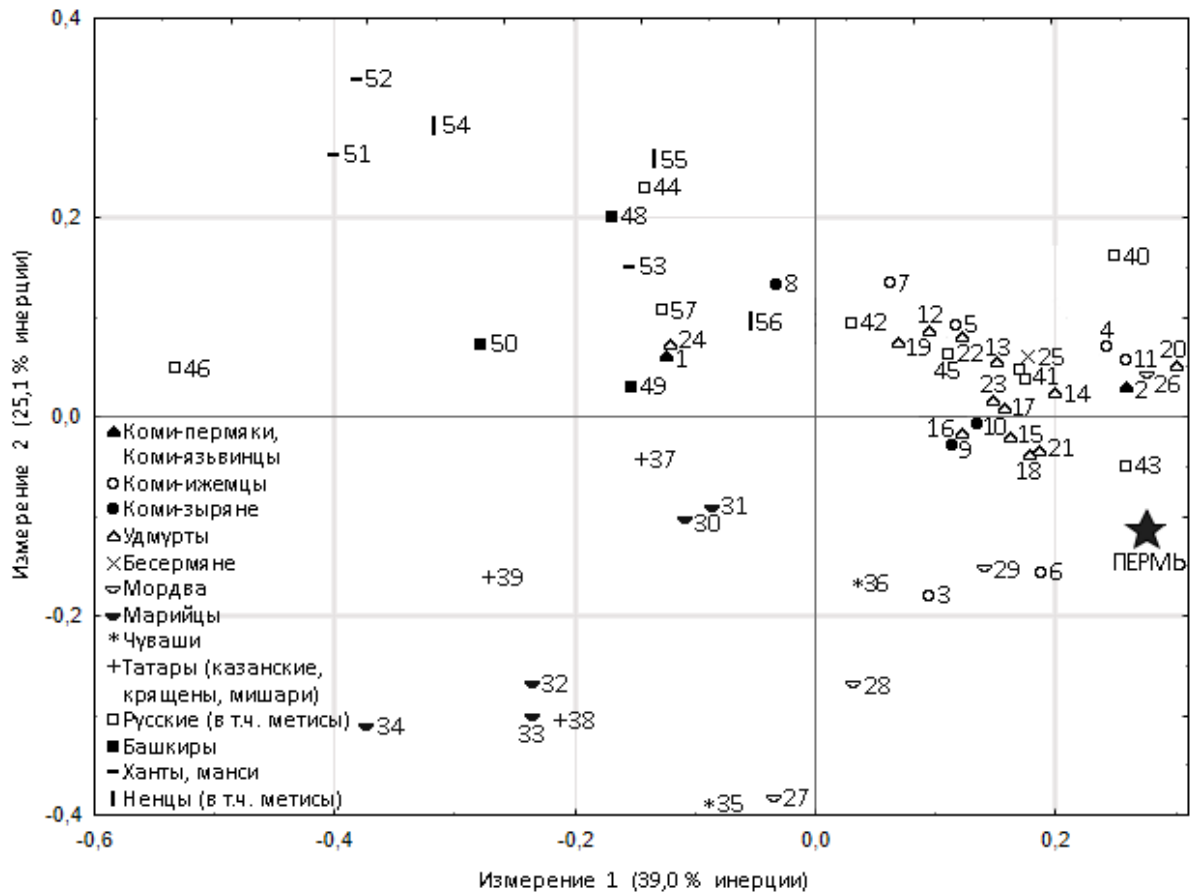

Рис. 3. Положение выборки Егюшихинского поселка на фоне современного населения Поволжья и Сибири по результатам анализа соответствий (*correspondence analysis*)

Известно, что строителями, первыми рабочими Егюшихинского медеплавильного завода и жителями заводского поселка, за исключением узких специалистов и вольнонаемных, были приписные крестьяне Кунгурского уезда, солдаты Томского полка (*де Геннин*, 1735). Очевидно, что основу открывшегося завода составляло местное население, но вопрос формирования антропологического состава Прикамья сложен. Известны миграции населения для работы на строгановских предприятиях, нельзя исключать и переехавших крестьян с западных территорий, скрывающихся старообрядцев и в целом движения на восток разных народов под давлением русской колонизации начиная с XV в. (*Головчанский*, 2006). Все эти исторические процессы могли повлиять на антропологический состав Прикамья, не говоря уже об увеличении интенсивности притока населения в новый индустриальный центр XVIII в., ставший к концу столетия губернской столицей. Но при включении различных современных групп русских Севера, Северо-Запада, центральных территорий в анализ соответствий (*correspondence analysis*)¹⁰ связи между этими сериями и пермяками не выявлено.

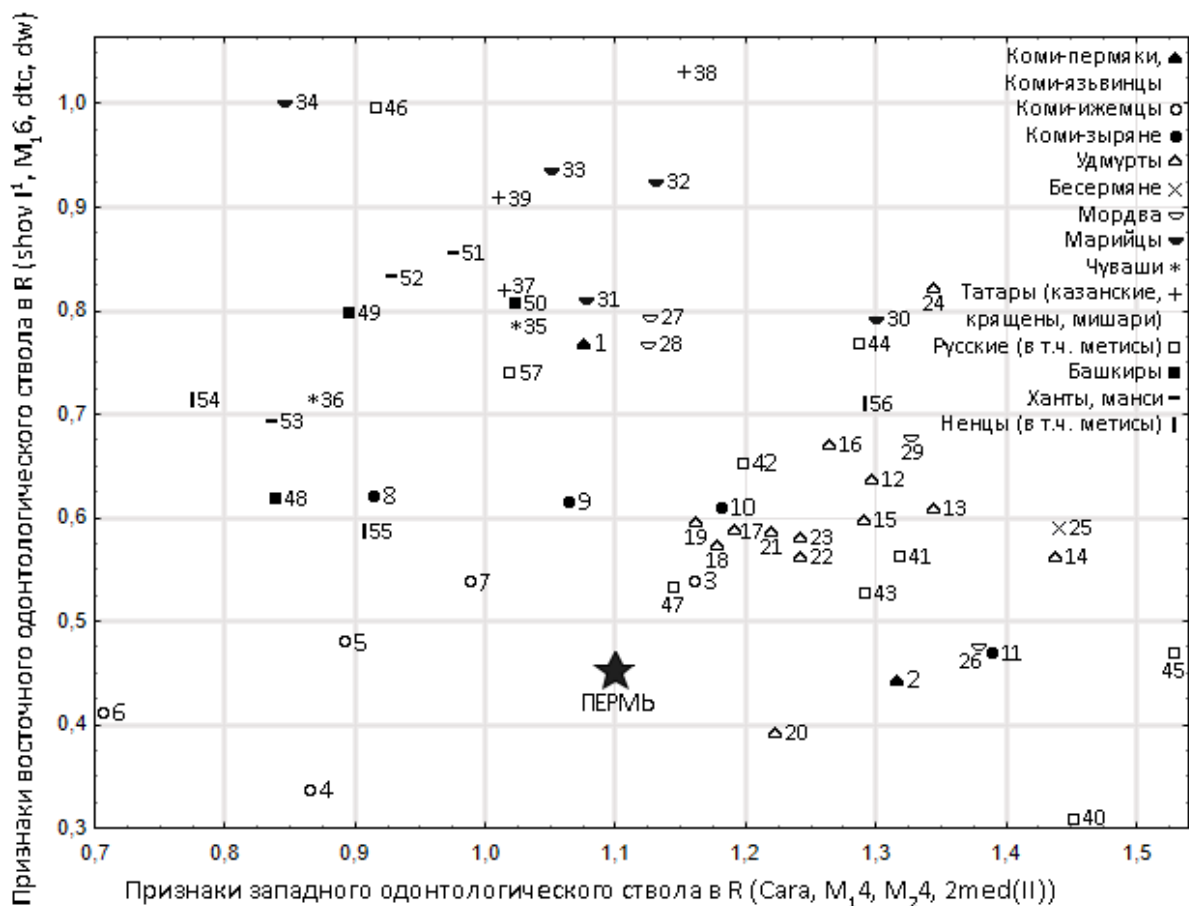

Рис. 4. Положение выборки Егошихинского поселка на фоне современного населения Поволжья и Сибири в пространстве двух векторов, отражающих западный (сумма признаков в радианах: $Cara, M_{14}, M_{24}, 2med(II)$) и восточный (сумма признаков в радианах: $shov I^1, M_{16}, dtc, dw$) одонтологические комплексы

Заключение

Одонтологические черты основателей г. Перми реконструируются как типичные для северного грацильного комплекса внутри западного одонтологического ствола. Сходную морфологию мы можем проследить у многих поволжских и прикамских групп населения разных эпох. Нередко этот комплекс, сформировавшийся в глубокой древности, характеризует так называемое «финское» население северной лесной полосы Восточно-Европейской равнины (от Скандинавского полуострова до Уральских гор). По всей видимости, население первого города формировалось на основе местных популяций, на которые в эпоху русской колонизации могли оказывать влияние восточнославянские группы более западных территорий. В результате процессов движения населения в XV–XVIII вв. и наложения средневропейских черт на поволжский и прикамский субстрат егошихинцы получили одонтологические особенности, сходные с многими уралоидными популяциями этих территорий. Очевидным здесь становится однонаправленный характер миграций в процессе русской колонизации – с запада на восток (сибирские черты для публикуемой серии не характерны). В одонтологическом комплексе жителей Егошихинского поселка 2-й четверти XVIII в. зафиксированы черты, сохранившиеся сегодня вероятно только у жителей отдаленных населенных пунктов Верхнего Прикамья.

Примечания

¹ Н. А. Лейбовой работа выполнена в рамках государственного задания Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (тема «Закономерности популяционной дифференциации человека в пространстве и времени»).

² К коми-пермякам здесь отнесено и население сел Антипина и Верх-Язьва, этнически относящихся к коми-язвинцам (язвинским пермякам) [Чагин, 2012].

³ Оба могильника имеют курганныю и бескурганную части: Верх-Саинский могильник датируется VI – 1-й четвертью IX в., Бродовский относится к концу IV – началу IX в. При этом Г. В. Рыкушиной, вероятно, была изучена лишь «курганный» серия Бродовского могильника IV–V вв. (отдельно «верх-саинская» и «бродовская» группы охарактеризованы не были).

⁴ Эти результаты вошли в более позднюю публикацию Г. В. Рыкушиной, упоминаемую нами [Рыкушина, 2000].

⁵ Авторы выражают благодарность сотрудникам Кабинета археологии ПГНИУ, НИИ археологии и антропологии ШГПУ, руководителям раскопок за возможность работы с сериями.

⁶ Юридически оба некрополя находятся на территории разных археологических памятников: Старопетровпавловский некрополь расположен в границах объекта археологического наследия «Егошихинский медеплавильный завод, поселение», Староегошихинский некрополь – в границах памятника «Пермь Губернская, поселение». Однако это обстоятельство никаким образом не влияет на возможность (и даже – необходимость) объединения серий, происходящих из двух первых мест захоронения жителей поселка при Егошихинском заводе.

⁷ Серии изучены полностью.

⁸ Определения пола по Староегошихинской серии выполнены и предоставлены Е. М. Макаровой, за что ей огромная благодарность от авторов статьи.

⁹ Цифровые обозначения на графиках совпадают с порядковыми номерами в *приложении*. Для сравнения палеоантропологических выборок использованы «классические» признаки *shov I¹, hu M², M₁₆, M₁₄, M₂₄, dtc, dw, tami, 2med(II)*. При сопоставлении с современным населением использован тот же набор, за исключением *tami*.

¹⁰ На рис. 1 упоминаемые группы не добавлены [Вацаева, 1977а, 1977b; Аксянова и др., 1979; Халдеева, 1986; Гравере, 1990, 1999].

¹¹ Авторы выражают благодарность Н. В. Харламовой за предоставление частот некоторых неопубликованных признаков по нескольким сериям.

Список источников

- Геннин де В. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М.: История заводов, 1937. 663 с.
- Головчанский Г.П. Христианизация Перми Великой в XV – начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 186 с.
- Мингалева М.К. Отчет об археологических раскопках на территории объекта археологического наследия «Пермь Губернская, поселение» в городе Перми в 2019 году. Пермь, 2020. Т. 1. 222 с.
- Халдеева Н.И. Эпохальная динамика одонтологических признаков в некоторых древних и современных популяциях на территории СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. 18 с.
- Харламова Н.В. Антропологический состав средневекового населения Среднего Поволжья по данным одонтологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010а. 25 с.

Библиографический список

- Аксянова Г.А. Население бассейна Печоры и Нижней Оби // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 93–113.
- Аксянова Г.А. Некоторые новые материалы по антропологии нарымских селькупов // Российский этнограф: этнологический альманах: Антропология. Культурология. Социология. М.: ИЭА РАН, 1993. Вып. 12. С. 5–34.
- Аксянова Г.А. Одонтология // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003. С. 292–344.
- Аксянова Г.А. Одонтология метисных популяций (на примере русских старожилов Якутии) // Палеоантропологические и биоархеологические исследования: традиции и новые методики (VI Алексеевские чтения): материалы Всерос. науч.-практ. конф., 5–10 октября 2015 г. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 3–7.
- Аксянова Г.А. Одонтология ранних жителей города Красноярска по материалам некрополя Покровской церкви XVII–XVIII вв. // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 274–305. DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/274-305. EDN: GIAGHM.
- Аксянова Г.А. Первые поколения русского населения в Омском Прииртышье XVII–XIX вв. по данным одонтологии // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2020. № 68. С. 139–144. DOI: 10.17223/19988613/68/20. EDN: ARQBRY.

- Аксянова Г.А. Православные горожане Томска в XVII–XIX столетиях: свидетельства этнической одонтологии // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сб. науч. ст. Омск, Сургут: Ин-т археологии Севера, 2021. Т. 2. С. 212–219. DOI: 10.31630/978-5-6040401-5-7-2021-2-212-219. EDN: WVVIJGP.
- Аксянова Г.А., Зубов А.А., Сегеда С.П., Пескина М.Ю., Халдеева Н.И. Русские // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 9–31.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 248 с.
- Брюхова Н.Г. Антропологический материал из раскопа Чердынь Посад 1-54(05) // Вестник Музея археологии и этнографии ПГГПУ. 2008. № 2. С. 46–48. EDN: TOUMUO.
- Брюхова Н.Г. История изучения антропологического материала, происходящего из некрополей с территории Пермского Предуралья // Вестник Перм. ун-та. История. 2024. № 1(64). С. 59–66. DOI: 10.17072/2219-3111-2024-1-59-66. EDN: IPDDYJ.
- Вацаева В.Ф. Одонтологическая характеристика русских западных и северо-западных областей РСФСР // Вопросы антропологии. 1977а. Вып. 56. С. 102–111. EDN: TNRCSP.
- Вацаева В.Ф. Одонтологическая характеристика русских центральных, южных и северных областей европейской части РСФСР // Вопросы антропологии. 1977b. Вып. 57. С. 133–142.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М.: АН СССР, 1955. Т. 28. 585 с.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с. ISBN: 5-7430-0015-8. EDN: YJXEB.
- Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2018. 720 с.
- Головчанский Г.П., Романова Л.В. Православный некрополь XVIII в. в историческом центре г. Перми // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (материалы XX Уральского археологического совещания). Ижевск: Изд-во Ижев. ин-та компьютер. исследований, 2016. С. 294–296.
- Гравере Р.У. Формирование одонтологических комплексов северо-западных русских // Балты, славяне, прибалтийские финны: этногенетические процессы / отв. ред. Р. Я. Денисова. Рига: Зинатне, 1990. С. 145–182.
- Гравере Р.У. Одонтология восточнославянских народов // Восточные славяне. антропология и этническая история / отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Научный мир, 1999. С. 80–94.
- Данич А.В. Раскопки некрополя второй четверти XVIII в. при устройстве наружных сетей водоснабжения, канализации, теплоснабжения, наружного освещения здания «Петропавловский собор» по адресу: Пермь, Советская 1 // Региональные столицы России – точки опоры и роста: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Альфа Принт, 2023. С. 17–19.
- Дубов А.И. Одонтологическая характеристика хантов, селькупов и эвенков // Полевые исследования Института этнографии, 1983. М.: Наука, 1987. С. 106–110.
- Дубова Н.А. Формирование русского населения Северо-Востока европейской части СССР (по антропологическим данным) // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.: Наука, 1986. С. 112–119.
- Ефимова С.Г. Краниология финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: территориальная изменчивость и ретроспективный анализ // Вопросы антропологии. 1999. Вып. 90. С. 127–140.
- Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-Онлайн, 2006. 72 с. ISBN: 5-903243-01-0. EDN: ZOPYZB.
- Зубов А.А. Одонтология: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989. 232 с. EDN: RPWKRD.
- Зубов А.А., Сегеда С.П. Антрополого-одонтологические исследования башкирского народа // Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа: БФАН СССР, 1987. С. 20–37.
- Зубов А.А., Сегеда С.П. Новые данные к одонтологической характеристике финноязычных народов СССР // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М.: Наука, 1986. С. 127–140.

- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993. 226 с. EDN: RVYRMX.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтологическое исследование луговых и горных мари // Новые исследования по антропологии марийцев. М.: Наука, 1979. С. 65–74.
- Зубов А.А. Заключение // Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. С. 229–251.
- Зубов А.А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. 204 с.
- Лейбова Н.А. Одонтология башкир // Антропология башкир. СПб.: Алетейя, 2011. С. 272–317.
- Лейбова Н.А., Пежемский Д.В. Население Албазинского острога по данным антропологических исследований // Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 193–224.
- Лейбова Н.А., Смертин П.Р. К проблеме подсчета частот признаков в одонтологии // Вестник Моск. ун-та. Антропология. 2025. № 3. С. 51–60. DOI: 10.55959/MSU2074-8132-25-3-4. EDN: ZCCAOS.
- Макарова Е.М., Харламова Н.В. Население Царевококшайска (Йошкар-Олы) конца XVI – середины XVIII вв. по данным антропологии (предварительные результаты исследования) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 82–88.
- Пежемский Д.В. Население Томска XVII–XIX вв. в системе антропологического разнообразия Европейской России // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2017. № 49. С. 109–114. DOI: 10.17223/19988613/49/20. EDN: ZWDSQF.
- Рыкушина Г.В. Данные одонтологии к этногенезу финноязычных народов Восточной Европы // Материалы VI Конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 180–182.
- Рыкушина Г.В. Современное население Среднего Поволжья и Вятско-Камского междуречья по данным одонтологии // Антропология современных финно-угорских народов. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 100–136.
- Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика средневекового населения г. Дмитрова Московской области // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15, ч. 2. С. 378–394.
- Халдеева Н.И., Харламова Н.В. Краткая история одонтологического изучения русских // Российский журнал физической антропологии. 2023. № 3. С. 79–85. DOI: 10.33876/2782-5000/2023-7-3/79-86. EDN: FKULXZ.
- Харламова Н.В. Одонтологическая характеристика населения позднесредневекового Кашина (по материалам Симеоновского раскопа – I) // Палеоантропология г. Кашин XV–XVII вв. М.: Буки Веди, 2020. С. 64–86.
- Харламова Н.В. Одонтологические характеристики палеоантропологических выборок XIII–XVIII веков с территории Нижнего Новгорода // Российский журнал физической антропологии. 2025. № 1. С. 18–23. DOI: 10.33876/2782-5000/2025-13-1/18-23. EDN: LYZDEQ.
- Харламова Н.В. Одонтология тверского населения XVI–XVIII веков // Вестник Моск. ун-та. Антропология. 2010b. № 1. С. 91–94. EDN: MUWOID.
- Харламова Н.В. Средневековое население Поволжья по данным одонтологии // Этнографическое обозрение. 2010c. № 5. С. 79–88. EDN: MVKWOZ.
- Харламова Н.В., Лейбова Н.А., Бердников И.М., Бердникова Н.Е. Одонтологическая и остеологическая характеристики населения Иркутска XVIII – начала XIX в. (по материалам некрополей) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 12. С. 110–131. EDN: UIWOUP.
- Чагин Г.Н. Коми-язьвинцы Пермского края. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2012. 112 с.
- Чебоксаров Н.Н. Этногенез коми по данным антропологии // Советская этнография. 1946. № 2(51). С. 51–80.
- Широбоков И.Г. К антропологии пермских народов XVII–XIX вв. (краниологические данные) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 3. С. 80–98. EDN: THQGVZ.
- Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. 256 с.
- Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Aldine, 1978. 312 p.

Серии, задействованные в работе

№	Серия	Источник (публикация)
<i>Палеоантропологические серии</i>		
	Пермь (Егошихинский поселок) – 2-я четв. XVIII в.	<i>Н. А. Лейбова, П. Р. Смертин</i>
1	Бродовский могильник (IV–IX вв.)	[Рыкушина, 2000]
2	Варнинский могильник (V–X вв.)	***
3	Верх-Саинский могильник (VI–IX в.)	***
4	Тольёнский могильник (VIII–X вв.)	***
5	Дмитров (XII–XVII вв.)	[Суворова, 2007]
6	Ярославль (XIII в.)	[Харламова, 2010с] ¹¹
7	Нижняя Студенка I (XIII–XIV вв.)	***
8	Ивановский могильник (XIV в.)	***
9	Болгар (XIV–XV вв.)	***
10	Кашин (XV–XVII вв.)	[Харламова, 2020]
11	Удмурты, Якшурский могильник (XVI–XVIII вв.)	[Рыкушина, 2000]
12	Удмурты, Чабыровский могильник (XVI–XVIII вв.)	***
13	Удмурты, Енабердинский могильник (XVI–XVIII вв.)	***
14	Удмурты, Нязь-Ворцинский могильник (XVI–XVIII вв.)	***
15	Удмурты, Атынский могильник (XVI–XVIII вв.)	***
16	Чебоксары (XVI–XVII вв.)	[Харламова, 2010с]
17	Марийцы (XVI–XVIII вв.)	[Рыкушина, 2000]
18	Казань, Кремль (XVI–XVIII вв.)	[Харламова, 2010с]
19	Тверь, Заволжский/Затверецкий посад (XVI–XVIII вв.)	[Харламова, 2010b]
20	Йошкар-Ола (кон. XVI – нач. XVIII вв.)	[Макарова, Харламова, 2017]
21	Нижний Новгород, Кремль (XVII в.)	[Харламова, 2025]
22	Албазинский острог (XVII в.)	[Лейбова, Пежемский, 2019]
23	Нижний Новгород, Посад (XVII–XVIII вв.)	[Харламова, 2025]
24	Красноярск (XVII–XVIII вв.)	[Аксянова, 2022]
25	Омск, Ананьино I (XVII–XVIII вв.)	[Аксянова, 2020]
26	Омск, Тара (XVII–XVIII вв.)	***
27	Омск, Изюк I (XVII–XIX вв.)	***

Продолжение таблицы

№	Серия	Источник (публикация)
<i>Палеоантропологические серии</i>		
28	Томск, сборная (XVII–XIX вв.)	[Аксянова, 2021]
29	Чебоксары (кон. XVII–XVIII вв.)	<i>П. Р. Смертин</i> (архив автора)
30	Тверь, Старое кладбище (XVII–XVIII вв.)	[Харламова, 2010b]
31	Селькупы нарымские (XVII–XX вв.)	[Аксянова, 2003]
32	Иркутск, Спасский некрополь (XVIII в.)	[Харламова и др., 2015]
33	Иркутск, Крестовоздвиженский (XVIII–XIX вв.)	***
34	Ханты южные, восточные (XVIII–XX вв.)	[Аксянова, 2003]
35	Манси (XVIII–XX вв.)	***
36	Омск, Бутырское кладбище (XIX в.)	[Аксянова, 2020]
37	Кеты (XIX–XX вв.)	[Аксянова, 2003]
<i>Современное население</i>		
1	Коми-пермяки (с. Белоево)	[Рыкушина, 2000]
2	Коми-язьвинцы (с. Верх-Язьва, Антипина)	[Зубов, Сегеда, 1986]
3	Коми-ижемцы (п. Кипиево)	[Аксянова, 1979]
4	Коми-ижемцы (с. Соколово)	***
5	Коми-ижемцы (с. Петрунь)	***
6	Коми-ижемцы (с. Усть-Щугор)	***
7	Коми-ижемцы (с. Сизябск, Ёль, Варыш, Бакур)	***
8	Коми южные (с. Жешарт, Визинга)	***
9	Коми-зыряне (с. Летка)	[Зубов, Сегеда, 1986]
10	Коми-зыряне (с. Корткерос)	[Рыкушина, 2000]
11	Коми-зыряне (с. Сторожевск)	***
12	Удмурты (п. Балезино)	[Зубов, Сегеда, 1986]
13	Удмурты (Слободской р-н)	[Рыкушина, 2000]
14	Удмурты (д. Дизьмино)	***
15	Удмурты (с. Кез)	***
16	Удмурты (с. Юски)	***
17	Удмурты (с. Юкаменское)	***
18	Удмурты (с. Чутырь, Лонки-Ворцы)	***
19	Удмурты (с. Зура)	***
20	Удмурты (п. Завьялово)	***
21	Удмурты (д. Якшур)	***

Продолжение таблицы

№	Серия	Источник (публикация)
<i>Палеоантропологические серии</i>		
22	Удмурты (с. Можга)	[Рыкушина, 2000]
23	Удмурты (с. Большие Сибь)	***
24	Удмурты арские (д. Ошторма-Юмья)	***
25	Бесермяне (сборная серия, Удмуртия)	***
26	Мордва-эрзя (Кочкуровский р-н)	[Зубов, Сегеда, 1986]
27	Мордва-эрзя (с. Баево)	[Рыкушина, 2000]
28	Мордва-мокша (с. Салазгорь)	***
29	Мордва-мокша (с. Дракино)	***
30	Марийцы горные (г. Козьмодемьянск)	[Зубов, Халдеева, 1979; Рыкушина, 2000]
31	Марийцы горные (с. Виловатово)	***
32	Марийцы луговые (г. Волжск, Звенигово)	***
33	Марийцы луговые (д. Коркатово)	***
34	Марийцы луговые (с. Кужмара)	***
35	Чуваши низовые – анатри (с. Тойси)	[Рыкушина, 2000]
36	Чуваши верховые – вирьял (д. Одаркино)	***
37	Татары казанские (с. Шали)	***
38	Татары-кряшены (с. Янцева)	***
39	Татары-мишари (д. Муслюмкин)	***
40	Русские печорские (р. Пижма)	[Аксянова и др., 1979]
41	Русские (г. Кирс)	[Рыкушина, 2000]
42	Русские (с. Юрла)	***
43	Русские (с. Усть-Зула)	***
44	Русские (г. Чердынь, с. Вильгорт)	***
45	Русские старожилы Индигирки	[Аксянова, 2015]
46	Русско-сибирские метисы Индигирки	***
47	Русские (рр. Кеть, Обь)	[Аксянова, 1993]
48	Башкиры северные (Илишевский р-н)	[Зубов, Сегеда, 1987]
49	Башкиры северные (Архангельский р-н)	***
50	Башкиры северные (Асинский р-н, Кашкино)	[Лейбова, 2011]
51	Манси северные	[Аксянова, 1979]
52	Ханты северные	***

Продолжение таблицы

№	Серия	Источник (публикация)
<i>Палеоантропологические серии</i>		
53	Ханты северные и восточные	[Дубов, 1987; Аксянова, 2003]
54	Ненцы, коми, русские (метисы 1)	[Аксянова, 2003]
55	Ненцы, коми, русские (метисы 2)	***
56	Ненцы колвинские	***
57	Селькупо-русские метисы	[Аксянова, 1993]

Примечание: *** – повторение источника.

Дата поступления рукописи в редакцию 27.10.2025

EARLY RESIDENT OF THE CITY OF PERM IN THE SECOND QUARTER OF THE 18TH CENTURY ACCORDING TO DENTAL ANTHROPOLOGY

P. R. Smertin

Institute of Humanitarian Studies, Perm Federal Center of Ural Branch RAS, Genkelja st., 4, Perm, 614013, Russia; Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya st., 24, Perm, 614990, Russia
paulsmert@mail.ru
ResearcherID: rid93859
Scopus Author ID: 58164468400
SPIN: 9696-9476

N. A. Leibova

Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Leninsky Prospekt, 32a, Moscow, 119334, Russia
nsuvorova@mail.ru
ResearcherID: ABI-5777-2020
Scopus Author ID: 57202444227
SPIN: 126490

The aim of this article is to describe the odontological characteristics of the first inhabitants of the city of Perm. The study examines skeletal remains of the early settlers buried in synchronous necropolises dating from the second quarter of the 18th century, which appeared with the foundation of the Yegoshikha copper smelting plant in 1723. This skeletal series is the only paleoanthropological source on the population of Perm and the largest paleoanthropological sample from the Perm Kama region. A total of over 160 individuals were studied. The results reveal that the odontological complex of the Perm population is close to the northern gracile variant within the western odontological trunk, which largely correlates with northern Europeans and part of the populations of the Uralic race. Such odontological features are characteristic of many Volga and Kama region populations. Consequently, the study concludes that the urban population formed primarily on the basis of the local population. In addition to migration flows into the Cis-Ural region, the anthropological characteristics of the first settlers may also have been influenced by the incoming population from the Volga region, which migrated westward during the course of Russian colonization. At the same time, no Siberian or Trans-Ural influence was detected, indicating the unidirectional nature of this process.

Key words: biological anthropology, dental anthropology, Perm, Egoshikhinsky copper smelter, historical cemetery.

Acknowledgments

N. A. Leibova's work was performed within the framework of the state assignment of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (the topic "Patterns of human population differentiation in space and time").

References

- Aksyanova, G. A. (1979). The population of the Pechora and Lower Ob basins. In A. A. Zubov & N. I. Khaldeeva (Eds.), *Ethnic odontology of the USSR* (pp. 93–113). Nauka.
- Aksyanova, G. A. (1993). Some new materials on the anthropology of the Narym Selkups. In *Russian ethnographer: Ethnological almanac: Anthropology. Cultural studies. Sociology* (Vol. 12, pp. 5–34). IEA RAS.
- Aksyanova, G. A. (2003). Dental anthropology. In A. N. Bagashev (Ed.), *Ethnography and anthropology of Yamal* (pp. 292–344). Nauka.
- Aksyanova, G. A. (2015). Odontology of mestizo populations (on the example of Russian old-timers of Yakutia). In *Paleoanthropological and bioarchaeological research: Traditions and new techniques (VI Alekseevsky Readings)* (pp. 3–7). MAE RAS.
- Aksyanova, G. A. (2020). The first generations of the 17th–19th centuries Russian population in the Omsk Irtysh region according to dental anthropology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 68, 139–144.
- Aksyanova, G. A. (2021). Orthodox citizens of Tomsk in the 17th–19th centuries: Evidence of dental anthropology. In *Culture of Russians in archaeological research* (Vol. 2, pp. 212–219). Institute of Archaeology of North.
- Aksyanova, G. A. (2022). Dental anthropology of the early Krasnoyarsk city based on materials from the Pokrovsky necropolis, 17th–18th centuries AD. *Vestnik antropologii*, 3, 274–305.
- Aksyanova, G. A., Zubov, A. A., Segeda, S. P., Peskina, M. Yu., & Khaldeeva, N. I. (1979). Russians. In A. A. Zubov & N. I. Khaldeeva (Eds.), *Ethnic odontology of the USSR* (pp. 9–31). Nauka.
- Alekseev, V. P. (1966). *Osteometry: Methodology of anthropological research*. Nauka.
- Alekseev, V. P., & Debec, G. F. (1964). *Craniometry: Methodology of anthropological research*. Nauka.
- Bryukhova, N. G. (2008). Anthropological material from the excavation of Cherdyn Posad 1-54(05). *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii PGGPU*, 2, 46–48.
- Bryukhova, N. G. (2024). History of studying anthropological material coming from necropolises from the territory of the Perm Cis-Ural Region. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 1, 59–66.
- Chagin, G. N. (2012). *Komi-Yazvins of the Perm Krai*. Perm Book Publishing House.
- Cheboksarov, N. N. (1946). Ethnogenesis of Komi according to anthropology. *Sovetskaya etnografiya*, 2(51), 51–80.
- Danich, A. V. (2023). Excavations of the necropolis of the second quarter of the 18th century during the installation of external water supply networks, sewerage, heat supply, outdoor lighting of the Peter and Paul Cathedral building at the address: Perm, Sovetskaya, 1. In *Regional capitals of Russia – points of support and growth: Materials of the All-Russian scientific conference with international participation* (pp. 17–19). Alpha Print.
- Dubov, A. I. (1987). Odontological characteristics of Khanty, Selkup and Evenki. In *Field studies of the Institute of Ethnography. 1983* (pp. 106–113). Nauka.
- Dubova, N. A. (1986). Formation of the Russian population in the North-East of the European part of the USSR (according to anthropological data). In V. P. Alekseev & A. A. Zubov (Eds.), *Problems of evolutionary morphology of humans and their races* (pp. 112–119). Nauka.
- Efimova, S. G. (1999). Craniology of the Finno-Ugric peoples of the Volga Region and the Urals: Territorial variability and retrospective analysis. *Voprosy antropologii*, 90, 127–140.
- Gerasimov, M. M. (1955). Reconstruction of the face from the skull. In *Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences* (Vol. 28). AS USSR.
- Goldina, R. D., & Vodolago, N. V. (1990). *Burial grounds of the Nevolinskaya culture in the Cis-Urals*. Irkutsk University Press.
- Golovchansky, G. P., & Romanova, L. V. (2016). Orthodox necropolis of the 18th century in the historical center of Perm. In *The archaeological heritage of the Urals: From the first discoveries to fundamental scientific knowledge (Proceedings of the XX Ural Archaeological Conference)* (pp. 294–296). Izhevsk Institute of Computer Research.
- Gravere, R. U. (1990). Formation of dental anthropology complexes of North-western Russians. In R. Ya. Denisova (Ed.), *Balts, Slavs, Baltic Finns: Ethnogenetic processes* (pp. 145–182). Zinatne.
- Gravere, R. U. (1999). Odontology of Eastern Slavs. In T. I. Alekseeva (Ed.), *Eastern Slavs: Anthropology and ethnic history* (pp. 80–94). Nauchnyi mir.
- Khaldeeva, N. I., & Kharlamova, N. V. (2023). Brief history of dental anthropology studies on Russians. *Rossiyskiy zhurnal fizicheskoy antropologii*, 3, 79–85.
- Kharlamova, N. V. (2010a). Odontological materials from Tver, 16th–18th centuries. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*, 1, 91–94.
- Kharlamova, N. V. (2010b). The medieval population of the Volga region according to odontological data. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5, 79–88.
- Kharlamova, N. V. (2020). Dental anthropological characteristics of Late Medieval Kashin (based on the materials of the Simeonovsky excavation-I). In *Paleoanthropology of Kashin, 15th–17th centuries* (pp. 64–86). Buki-Vedi.

- Kharlamova, N. V. (2025). Dental morphology of Nizhny Novgorod population based on paleoanthropological samples of the 13th–18th centuries. *Rossiyskiy zhurnal fizicheskoy antropologii*, 1, 18–23.
- Kharlamova, N. V., Leibova, N. A., Berdnikov, I. M., & Berdnikova, N. E. (2015). Dental anthropological and osteological characteristics of the population of Irkutsk in the 18th – early 19th centuries (based on materials from necropolises). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 12, 110–131.
- Leibova, N. A. (2011). Dental anthropology of Bashkirs. In *Anthropology of Bashkirs* (pp. 272–317). Aleteya.
- Leibova, N. A., & Pezhemsky, D. V. (2019). The population of the Albazin Ostrog according to anthropological studies. In *Albazin Ostrog: History, archaeology, anthropology of the populations of the Amur region* (pp. 193–224). IAE Siberian Branch RAS.
- Leibova, N. A., & Smertin, P. R. (2025). On the problem of calculating the frequencies of traits in dental anthropology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*, 3, 51–60. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-25-3-4>.
- Makarova, E. M., & Kharlamova, N. V. (2013). The population of Tsarevokokshaysk (Yoshkar-Ola) in the late 16th – mid-18th centuries according to anthropology (preliminary results of the study). *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*, 2, 82–88.
- Pezhemsky, D. V. (2017). Population of Tomsk of the 17th–19th centuries and anthropological diversity of European Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 49, 109–114.
- Rykushina, G. V. (1989). Dental anthropology data on the ethnogenesis of the Finnish-speaking peoples of Eastern Europe. In *Proceedings of the VI Congress of Finno-Ugric Studies* (Vol. 1, pp. 180–182). Nauka.
- Rykushina, G. V. (2000). Modern population of the Middle Volga region and the Vyatka-Kama interfluvium according to odontology. In A. A. Zubov (Ed.), *Anthropology of modern Finno-Ugric peoples* (pp. 100–136). IEA RAN.
- Shirobokov, I. G. (2014). To anthropology of Perm peoples of the 17th–19th centuries (craniological data). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 3, 80–98.
- Suvorova, N. A. (2007). Odontological characteristics of the medieval population of Dmitrov, Moscow region. *Vestnik antropologii*, 15(Pt. 2), 378–394.
- Vashchaeva, V. F. (1977a). The dental anthropology of the Russians from western and northwestern RSFSR regions. *Voprosy antropologii*, 56, 102–111.
- Vashchaeva, V. F. (1977b). The dental anthropology of the Russians from central, south and north European parts of the RSFSR. *Voprosy antropologii*, 57, 133–142.
- Zubov, A. A. (1968). *Odontology: A method of anthropological research*. Nauka.
- Zubov, A. A. (1973). *Ethnic odontology*. Nauka.
- Zubov, A. A. (1979). Conclusion. In A. A. Zubov & N. I. Khaldeeva (Eds.), *Ethnic odontology of the USSR* (pp. 229–251). Nauka.
- Zubov, A. A. (2006). *A textbook of methodics on the anthropological analysis of dental materials*. Etno-Onlain.
- Zubov, A. A., & Khaldeeva, N. I. (1979). Dental anthropology research of the meadow and mountainous Mari. In *New studies on the anthropology of the Mari people* (pp. 65–74). Nauka.
- Zubov, A. A., & Khaldeeva, N. I. (1989). *Odontology in modern anthropology*. Nauka.
- Zubov, A. A., & Khaldeeva, N. I. (1993). *Odontology in anthropophenetics*. Nauka.
- Zubov, A. A., & Khaldeeva, N. I. (Eds.). (1979). *Ethnic odontology of the USSR*. Nauka.
- Zubov, A. A., & Segeda, S. P. (1986). New data for odontological characteristics of the Finnish-speaking peoples of the USSR. In V. P. Alekseev & A. A. Zubov (Eds.), *Problems of evolutionary morphology of humans and their races* (pp. 127–140). Nauka.
- Zubov, A. A., & Segeda, S. P. (1987). Anthropological and dental anthropological studies of the Bashkir people. In *Anthropology and population genetics of the Bashkirs* (pp. 20–37). BFAN USSR.